

Петр КАЗАРНОВСКИЙ

Петр Казарновский родился в 1969 году в Ленинграде. Окончил филологический факультет РГПУ имени Герцена. Исследователь русского авангарда, публикатор и исследователь текстов Леонида Аронсона, Павла Зальцмана, А. Ника; один из составителей (совместно с Ильёй Кукуем и Владимиром Эрлем) фундаментального двухтомного собрания произведений Леонида Аронсона. Автор книги «“Изображение рая”: Поэтика созерцания Леонида Аронсона» (М.: НЛО, 2025). Многочисленные публикации (статьи, эссе, стихи, проза) в журналах «Новое литературное обозрение», «Волга», «Дети Ра», «Футурум АРТ», «Зинзивер», «Крещатик», «АКТ» и др. Живет в СПб, преподаёт русский язык и литературу в частной школе.

ДЮЖИНА СТИХОТВОРЕНИЙ ПРОШЕДШЕГО ГОДА

вгибай зеркальные овалы
в небесный правил свод
куда бы сердце ни вправляло
свой перебойный переплет

шаги вливая в пропасть стёкол
вогни и, выгнув, вновь вогни
оттуда взгляд туманно-воггл
в померкшие огни

смотреть налево и направо
фигур разрушит чистоту
стоят зеркальные овалы
и множат сердца суету

мой зарок сегодня зорок
слух мой невтопад открыт
в сердце живо много створок
для всего что говорит

и иду охвачен смутой
звуками и видом зги
только с каждою минутой
неслышней мои шаги

сидят колоды смертных слов
стоят колонны ясных снов
кружится снег в дверях

он лепит и слепит глаза
мешает слышать и сказать
метелью говоря

что виснет день на волоске
готовый разлететься в снег
ленивой пеленой

что ждут печальные дома
от пустоты сходя с ума
напитываясь тьмой

в строку закона, чувства, даты
не заскользнуть, и результаты
не вытащить из вещмешка
где жизнь можна, хоть нелегка

она вознужна и воздушна
пробуждена и простодушна
уже не держит покрывал
откуда прет девятый вал

Стряхнув куски голодных снов,
Несом под парусом сомнений
В морщинистую даль из слов –
Их очертаний и значений.

Кровоточит в дремоте мозг,
Вновь не совпав с резьбою яви.
Глаза избиты днями розог.
На ощупь вечера шершавей.

Под пастью неба клык щеря,
Клубится даль предначертаний,
Где я со ржавым скрежетаньем
В себя спускаю якоря.

день удлиняет тени на стене
разламывая их об угол
тревожно восприятию на дне
от оживленных призраков и пугал

но дня округлость светом не унять
и тени не становятся короче
они сползают за пределы дня
и оплывая вяло гнутся к ночи

лежу звездою распростерт
на берегу волны
подбрасывая в мой черед
предчувствие луны

над головой ли в голове
прилив нетесных снов
тону в бесплотном веществе
реальность расколов

он падает и подает
кому-то руку. В ней и мед и йод
и лед и высохшее пламя
которое нежадными губами
попробуем едва собрать
как виноград как ртуть как рать
растекшиеся вдоль давленья
плавления и промедленья
пока неслышной он ногой
идет с собой и за собой

оглядка через позвоночник
преображается в пятно
я маятник, я полуночник
себя заталкиваю в ночь

в проемы между тех потемок
откуда неба не видать
где неустойчив свет и ломок
как затвердевшая вода

чутьем взаймы от насекомых
за слоем слой за рядом ряд
ищу в изменчивых объемах
риск равновесия терять

Внутри меня растет простор,
края вокруг себя простёр,
и распухает взаперти,
всё остальное запретив.
Посторонившихся вещей
он тени ловит, чтоб взащей
их выгнать ради пустоты,
где ровен свет и след простыл.

узкие пазухи пазы
как изпод земли возник
арка мрака кормит зыбь
зоб озлобленной возни

снега с неба было много
дремлет медленно берлога
на мели окрестной мглы
пальцы слепы пазлы злы

вбивают сваи и сквозь чад и дым
каменей кипенье и воды горенье
приводят к содроганью парадигм
в ожесточении законов принужденья

сквозь злые рытвины пространств канал прорыт
но хоры пусты и забиты норы
до тех пор водолей выцеживает рыб
во весь опор летящих прочь опоры

речного жителя твердеющий расчет
мечтателя холодная горячка
мешает солнца немоту и камененье вод
полгода судорога и полгода спячка

по стекловидно-ватным оползням небес
осталось узнавать эпохи климат
когда ее врачи ей внутренности вынут
и выпотрошат интерес